

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

М. В. ЧУРАКОВ

БЕРБЕРЫ И АРАБЫ В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ АЛЖИРА

Вследствие игнорирования буржуазной наукой проблемы этногенеза, в работах, посвященных населению Алжира, царит невыразимый хаос. Примером может служить переведенный недавно на русский язык мону-ментальный труд известного французского исследователя Северной Африки Бернара¹. В одном месте автор признает факт смешения берберов с арабами², в другом — сводит всю средневековую историю Северной Африки к расовой борьбе³, в третьем — категорически утверждает: «имеются все данные считать, что современные жители Северной Африки ничем не отличаются от тех, которые населяли страну три тысячи лет тому назад, и что исторические нашествия, даже арабские нашествия, внесли лишь незначительные изменения»⁴. Автор бессилен ясно ответить на интересующий читателя вопрос: что представляет собой в этническом отношении население Северной Африки. Зато читатель подводится к нужным империалистам выводам: берберы якобы остались обособленной «расой», застойной и неполноценной, с чуждой этой «расе» арабской культурой и языком. Такое «освещение» проблемы этногенеза вуалирует закабаление страны империалистами, подавление ими национальной культуры населения Северной Африки. Объективное, марксистско-ленинское изучение этногенеза населения приобретает, таким образом, помимо научного интереса, большую политическую актуальность: оно помогает разоблачить миф о «помощи» и «цивилизаторской миссии» империалистов, выбивает из их рук отравленное оружие закабаления народов — расовую теорию.

Хронологические рамки настоящей статьи определяет социально-экономическая сущность вопроса, непосредственная связь его с развитием феодальных отношений в стране; этот процесс начался с арабских завоеваний и был прерван вторжением европейского капитала в XIX в.

Территориальные рамки в интересах конкретности исследования ограничены Алжиром. Однако на ранних этапах истории придется держать

¹ О. Бернар, Северная и Западная Африка, М., 1949.

² Там же, стр. 84.

³ Там же, стр. 82.

⁴ Там же, стр. 75.

в поле зрения всю Северную Африку, как единую историко-этническую область⁵.

В Алжире четко выделяются три различные географические зоны: на севере, вдоль побережья, — холмистый Телль, плодородный земледельческий район; на юге, в соседстве с Сахарой, — степная зона, с редкими оазисами и вклинившимися горами юго-западного Алжира, представлявшая широкое раздолье для верблюдоводства; между ними — зона гор и плато, начинающаяся массивом Тлемсена и кончающаяся горной цепью Аурас; здесь открытые с юга склоны и долины сливались со степью, а в районах, защищенных от зноя и песков пустыни, паслись табуны коней и стада овец, зеленели поля и сады полуоседлого населения⁶.

В последней зоне общественное разделение труда и внутренний обмен достигли наибольшего развития; на этой экономической базе заметнее укреплялись связи господства-подчинения как между племенами, так и внутри них. Племена этой зоны обладали стратегическим преимуществом сочетания укрепленных селений с подвижностью скотоводов, особенно их конницы. Используя также свои географические преимущества⁷, они господствовали над путями, связывавшими специализировавшиеся зоны Телля и степи, играли ведущую роль на раннем этапе формирования народностей в Алжире.

Все наиболее известные ранние центры Алжира складывались именно в этой зоне или же опирались на нее: Нумидийское княжество со столицей в Сирте, Зиридское со столицей в Ашйре, Хаммадидское со столицей в Кал'а, Ростемидское со столицей в Тахерте и, наконец, Тлемсен, прозванный «столицей центрального Магриба, матерью области зената»⁸. Эту зону по ее местоположению и роли ее в формировании народности можно назвать Центральной.

1. Берберы ко времени подчинения их халифату

Соседство пустынь сделало Северную Африку доступной нашествиям кочевников, а море — вторжениям морских держав. Но только там, где заморские завоеватели воздвигли города-крепости, они смогли превратить местные племена в рабов, а земли их — в свои латифундии. Остальные племена упорно отстаивали свою свободу. Именно эта вековая борьба отражена в названии «бербер», которым римляне окрестили туземцев, не покорных их власти, и в названии «руми», которое у берберов стало синонимом враждебного им мира: римлянин, европеец, чужеземец, враг⁹.

Влияние рабовладельческих государств на берберов не могло быть ни глубоким, ни продолжительным. Пунический язык, родственный бербер-

⁵ В VII в. не имелось общепринятого названия ни для Северной Африки, ни для отдельных ее частей, границы которых постоянно менялись, стирались, определялись административным устройством, навязываемым завоевателями, или неупрочнившимися зародышевыми государственными организмами племенных групп. Арабы, пришедшие с востока, именovali всю Северную Африку «страной Запада» (Магриб). Алжир выделяется особо только со времени завоевания страны турками в начале XVI в.; ни они, ни последующие завоеватели — французы нисколько не считались с историческими связями народа этой части Магриба со всеми магрибийцами.

⁶ Ср. ибн Халдун, Та'рих ад-дуваль аль-ислами биль-Магриб, I, Алжир, 1847, стр. 121 и сл.; франц. пер. De Slane, Histoire des Berbères, I, Alger, 1852, стр. 190 и сл. Автор лишь намечает эти три зоны в числе других, примыкающих к ним, второстепенных географических зон; ср. также ибн Хаукаль, Сүра аль-ард, I, Лейден, 1938; F. Jacquot, Expédition du général Cavaignac dans le Sahara algérien, Paris, 1849, стр. 210.

⁷ См. Л. А. Ольдерогге, Северная Африка, «Советская этнография», 1947, VI—VII, стр. 234, 245 и др.

⁸ Ибн Халдун, II, стр. 105; в пер. т. III, стр. 332.

⁹ Ср. высказывание христианского богослова Августина, уроженца Алжира, приведенное переводчиком ибн Халдуна, (Указ. соч. в т. IV, стр. 493).

ским, распространился лишь в основных центрах Нумидии, верхушка которой стремилась стать преемницей разрушенного Карфагена¹⁰. О незначительности влияния Рима свидетельствует ограниченное распространение христианства, хотя последнее проникло сюда еще до превращения в официальную религию Рима¹¹. Основными памятниками влияния Рима остались только названия месяцев солнечного календаря да термины военного характера¹².

К приходу арабов берберы делились на две группы. Одна состояла главным образом из верблюдоводов-кочевников и называлась ботр (имени легендарного общего предка). Вторая группа (называвшаяся беранес) состояла в основном из оседлых земледельцев; она возводила родословную к предку Бернесу, родственному основателю первой группы. Старые названия — гетулы, ливийцы, нумидийцы, мавры — были забыты. Насчитывали семь основных племен группы беранес: 'аздādжа, аўраба, 'аджйса, 'аўрига, кетāма, маємүда, сенхādжа и три племена, условно причисляемые к ним, — гезүла, ламта, ҳескүра. К ботр относили четыре основных племена: 'аддāса, нефүса, дарйса, лүāта¹³.

Племена обеих групп говорили на родственных берберских языках. Несмотря на предполагаемое некоторое распространение в свое время пунического языка, на усвоение, хоть и незначительной частью берберской верушки, латинского письма, что ослабило развитие собственной письменности, берберские языки сохранялись как самобытная группа в семито-хамитской семье языков. Общность языков многих племен, наряду с попытками основания местных государств, — свидетельство начавшегося формирования народности.

Наиболее активно процесс этногенеза шел в Центральной зоне. Здесь была главная арена контакта племен обеих групп и их языков. В горной области Аўрās, расположенной недалеко от моря, близ коммуникаций, связывавших восток с западом, в центре древней Нумидии, был основной очаг борьбы с Римом, поле, на котором терпели поражения византийцы и арабы. Ко времени арабских завоеваний здесь соперничали, претендуя на ведущую роль, два племена различных групп: полуоседлые 'аўраба (беранес) и джерāва (дарйса, ботр).

Знаменем соперничества знати этих племен и средством усыпления масс служили различные религии. Племенной вождь 'аўраба, Косейла, которого называли главой всех племен группы беранес¹⁴, принял христианство, а затем искал союза с арабами под знаменем ислама. Племя джерāва считалось тогда ведущим среди ботр. Вождем его, по преданию, была жрица (каҳина), пытавшаяся возглавить племена под знаменем не то иудейской, не то самобытной монотеистической религии¹⁵.

¹⁰ О распространенности пунического языка свидетельствовал упомянутый Августин. Hitti считает, что пунический язык сохранялся в Северной Африке до прихода арабов («History of the Arabs...», London, 1946, стр. 213).

¹¹ См. Mesnage, Le christianisme en Afrique, «Revue Africaine» (в дальнейших ссылках: R. A.), 1913, стр. 686 и сл., а также H. Fournel, Les Berbères..., I, стр. 105—107, Paris, 1875, и Haedo, R. A., 1870, стр. 493.

¹² См. Ben Cheneb, Proverbes arabes de l'Algérie, Paris, 1905, стр. 904, 920; Destaing, Vocabulaire français-berbère, Paris, 1920 (слова «война», «знамя», «полковник» и др.).

¹³ Ибн Халдун, I, стр. 107—108, в пер. стр. 169—170. В другом месте автор перечисляет среди наиболее выдающихся племен по их значению ко времени завоевания страны халифатом: 'аўраба, сенхādжа, кетāма, и ҳаввāра из первой группы; нефүса, зенāта, матгара и нафзāва — из второй (I, стр. 185, в пер. стр. 286). Это противоречие еще раз свидетельствует об известной условности классификации племен и их групп.

¹⁴ Ибн Халдун, I, стр. 134—135, в пер. стр. 211—213. Некоторых местных вождей автор именует князьями (мулук); см. также E. Gautier, Le passé de l'Afrique du Nord., Paris, 1937, стр. 266—267.

¹⁵ Передают, что полководец арабской армии получил о ней следующую информацию: «Все румы в Африке боятся ее, все берберы ей подчиняются. Убей ее, и

Были и другие претенденты на гегемонию. Поэтому реальным кажется предание о том, как вожди племени магрāва, возглавлявшего тогда племена ботр, расположенные на обширной территории Центральной зоны к западу от Аūrаса, явились к халифу 'Осмāну (644—656), приняли ислам и получили от него инвеституру¹⁶.

Наряду с использованием религии для усиления господства верхушки над племенной массой вожди племен находили в ней форму борьбы против захватчиков. Когда византийский экзарх угрожал восставшим «божьими карами», вождь восставших возражал: «их должны бояться не те, которые борются за возврат своего добра, а те, которые вызывают войны, похищая чужое имущество»¹⁷.

Такова была обстановка, в которой началось завоевание страны арабами.

2. Распространение ислама среди берберов и начало их арабизации

Арабов сближало с берберами сходство географической среды, благоприятной для относительной устойчивости кочевого скотоводства, замедлявшей переход к высшей формации¹⁸. Но, в отличие от Алжира, в глубь Аравии рабовладельческие государства не проникали; влияние последних ограничивалось меновыми связями, давлением извне, вторжениями на окраины. Такое давление не прерывало самостоятельного развития арабов внутренних частей полуострова. Это было существенным преимуществом их перед берберами.

В то же время арабы оказались в последние столетия до ислама скотованными барьерами могущественных соседей. Это лишило арабские племена свободного выхода из тесных рамок их суровой страны — простейшего средства ослабить «давление избытка населения на производительные силы»¹⁹. А отсутствие такого выхода лишало племена центральной Аравии важнейшего условия сопротивления общинного строя развитию классовых отношений.

Замкнутость Аравии также способствовала сближению племенных арабских языков в общенародный язык. Ко времени завоевания арабами Северной Африки сформировался единый арабский язык, ставший могущественным орудием общения арабов, давший им значительный перевес над берберами, лишенными единого общего языка.

Вместе с изменениями в производстве, развитием классовых отношений и арабского языка еще до ислама наметились другие сдвиги базисного и надстроечного порядка, охватившие центральную Аравию. Как указал Ф. Энгельс, «Возрастающая плотность населения вынуждает к более тесному сплочению как внутри, так и по отношению к внешнему миру...»²⁰. Эти процессы нашли выражение в объединении племен Хид-

тебе весь Магриб покорится» (ибн'Аззāрй, Аль-байан аль-Магриб..., I, Лейден, 1848—1849, стр. 20, франц. пер. E. Faḡān, I, Alger, 1901, стр. 25).

¹⁶ Ибн-Хāлдун, I, стр. 133; в пер. стр. 210. Брат этого автора, Яхья ибн-Хāлдун, приводит много подробностей этих преданий в своей книге «Баḡйя ар-рувād» (изд. с франц. перев. A. Bel, Histoire des Beni 'Abd el-Wād..., Alger, 1904, стр. 84).

¹⁷ H. Fournel, Les Berbères, I, стр. 93—94, 98—107.

¹⁸ Энгельс связывает это, в частности, с «огромными пустынями, которые тянутся, начиная с Сахары, через Аравию...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 493).

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278; ср. т. XIV, стр. 463, а также К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940, стр. 27.

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 139.

жаза и Неджда, отстоявших в середине VI в. свой культурный и торговый центр — Мекку от натиска эфиопов, в изгнании последних из всей Аравии. Расценивая эту дату как эпохальную, народ назвал ее «год слона»²¹. Это объединение дало арабам второе значительное преимущество над берберами.

Идеологическим знаменем этого объединения с VII в. стал ислам. «Библия» этой религии, Коран не был только сборником легенд и мифов. Он включал имущественные и другие законы, выражая необходимость замены обычного права писаным законом. А тем самым языку Корана, — арабскому, открывалась перспектива стать не только религиозным, но и государственным языком всех мусульман.

Ко времени завоевания Алжира арабы основали обширное государство — халифат. Но масса бедуинов, оставшихся в Аравии, не отличалась по уровню развития от кочевников Сахары. Даже в племенах, служивших военной опорой халифата, отчасти еще проявлялась межплеменная рознь²². Арабы лишь завершали переход к классовому обществу, и это сближало их с берберами.

Можно наметить три этапа завоевания Северной Африки халифатом. На первом из них (643—670) арабы ограничивались набегами из Египта, главным образом на богатые византийские города Северной Африки; получив дань, они уходили. Объективно эти набеги помогали борьбе берберов против руми. Несомненно, что к этому времени относится первый союз арабов с берберами, заключенный между халифом 'Осмāном и вождями магравы.

Второй этап начинается постройкой Кайруāна, служившего халифату плацдармом для прочного завоевания страны. Соответственно этой цели город был заложен в Центральной зоне, в пункте, образующем ворота через Тунис в Алжир и Марокко. Другая важнейшая черта второго этапа заключалась в том, что на стороне войск халифата в Северной Африке действовали крупнейшие берберские племена. Ведущей тенденцией этого этапа был направленный против руми арабо-берберский союз. Формой его явилось приобщение берберов к исламу, а с ним признание высшего авторитета «пророка», его заместителей (халифов), сподвижников — мекканцев (мухāджиров) и мединцев (ансāров), многочисленных учеников их (таби'), всех действительных или мнимых сородичей «пророка» (шерифов, корейшитов) и т. д.²³

Известны и восстания тех времен против арабов в Алжире. Однако свидетельства показывают, что это были бои, в которых определялись или отстаивались условия союза. Крупнейшим восстанием против арабов руководил Косейла. В бою с ним погиб глава армии халифата в Северной Африке 'Оқба. Последнего, не без оснований, предвляли об опасности игнорирования им, в отношениях с Косейлой, условий союза: «пророк добивался соглашения с вождями арабов, а ты третируешь мужа могущественного в своем племени»²⁴. Некоторые арабские историки видят и во втором крупном восстании против арабов, развернувшимся под руководством Кāхины, возмущение конфликтом наместника с Косейлой²⁵.

²¹ Арабская традиция связывает это название со слонами, находившимися на вооружении армии эфиопов. Некоторые европейские авторы (Carlo Conti Rossini и др.) считают, что слово слон (арабское — аль-филь) должно быть заменено именем эфиопского царя (Афилас). Энгельс назвал победу арабов над эфиопами «первым актом пробудившегося арабского национального самосознания» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXI, стр. 495).

²² См. В. В. Бартольд, Мусульманский мир, Петроград, 1922, стр. 31.

²³ См. Коран, VIII, ст. 1, 42, 73—76; IX, ст. 20, 101 118; LVII, ст. 10.

²⁴ Ибн Халдун, I, стр. 186 в пер. стр. 287.

²⁵ Ibn el-Athir, Annales du Maghreb..., в переводе E. Fagnan, Alger, 1898, стр. 32.

Факт и характер союза арабов с вождями берберов подтверждается разделом власти. Сыновья Кахины, приняв ислам, возглавили отряд своего племени в 12 тыс. воинов; в Танжере (Марокко) помощником наместника был назначен Тари́к аз-Зенáти²⁶, и он же возглавил арабо-берберское войско, отправленное в 710 г. на завоевание Андалусии. Этот поход был венцом союза; имея в виду прежние многократные «отречения берберов от веры», ибн Халдун говорит: с этим походом кончился их «обычай вероотступничества»²⁷.

На последнем этапе завоеваний и господства в Северной Африке халифат под влиянием отношений, найденных им в готовом виде на востоке в завоеванных областях, решительно стал на путь феодализма. Тяжким земельным налогом х́арáдж стали облагаться не только «неверные», но и массы мусульман²⁸. В этот период берберы круто изменили свое отношение к халифату. В 721 г. в Танжере был убит наместник²⁹. К 739—740 гг. вспышки, разгораясь, переросли в мощное восстание против халифата. Под влиянием массовых «еретических» движений шиитов и хариджитов на востоке халифата и при участии деятелей этих движений, укрывшихся в Северной Африке, борьба развернулась здесь под этими же знаменами³⁰. На протяжении двух веков восставшие хариджигы наносили поражения армиям трех халифатов востока, вытеснявших друг друга: омейядов, аббасидов и ф́атымидов. Последняя династия сама родилась в 909 г. в огне восстания кетáма — могущественного племени восточного Алжира. Перенеся в 972 г. свою резиденцию в Египет, ф́атымиды оставили наместниками в Северной Африке з́йридов (из племен фенх́аджа), объявивших себя в начале XI в. независимыми. Так кончилось господство халифов над Северной Африкой.

Хариджиты не только не отреклись от ислама, но пронесли его в глубь степной зоны, куда не проникало влияние ни Карфагена, ни Рима. Массы нашли в хариджизме знамя борьбы против феодального гнета халифата. Знать берберов добивалась укрепления религии путем приспособления ислама к местным условиям, к своим особым интересам. Она многократно изменяла свою приверженность религиозным толкам — суннизму, хариджизму, шиизму и т. д., но проявляла постоянство в отношении ислама вообще.

Типичным центром влияния хариджизма было княжество Тах́ерт в Центральной зоне. Вначале его возглавлял избранный народом з́имáм. Он жил просто, сам вместе с единственным своим рабом строил свой дом; все имущество его состояло из цыновки со шкурой и подушкой, сабли, копыя и лошади³¹. С «правоверных» взимался только сбор

²⁶ Так зовет его Идриси (Géographie d'Edrisi, т. II, Paris, 1840, стр. 17.). Бербером считали его также ибн Халдун и ибн аль-'Асир.

²⁷ Ибн Халдун, I, стр. 136, в пер. стр. 215.

²⁸ Ибн Халдун приводит факты предоставления бенефиций ('иктá') в Северной Африке с 710 г. (т. I, стр. 282, в пер. II, стр. 137—138). С другой стороны, и налог х́арáдж отражал по существу переход земель в феодальную собственность верхов халифата.

²⁹ Подобно другим авторам, ибн аль-'Асир считает причиной этого акта налоговый гнет (R. A., 1897, № 41, стр. 26—27). Ибн 'Абд аль-Хаким указывает, что наместник вызвал мятеж берберских воинов также тем, что пытался их татуировать подобно тому, как это делал прежде Рим с целью прикрепления к войску. Наместник был учеником знаменитого Хаджаджа, «железной рукой» проводившего ту же политику на востоке халифата (ибн 'Абд аль-Хаким, Футу́х Мыср..., Лейден, 1920, стр. 213—214).

³⁰ Ибн Халдун, I, стр. 136—137, 150—151, в пер. стр. 216, 237—238; Fournel, I, стр. 271—272, 286; Ibn el-Athir, Annales du Maghreb..., стр. 80.

³¹ Ас-Сегйр, Зикр ба'д аль-ахбáр филь-'а'имма ар-рустами, стр. 11, франц. пер. A. Motylinski, стр. 66 (Actes du XIV Congrès international des orientalis-

садақа в размере десятины с урожая и приплода стада; остальные платили подушную (джизью) и земельную (харадж) подать. Доходы от садақа тратились, особенно в первые годы, в значительной части на хлеб и одежду для бедняков³².

Тахерт стал резиденцией окрестных племен. Вокруг него объединялись приверженцы хариджизма—хаввара и нефуса, частично переселившиеся в район Тахерта, а также оставшиеся в своих прежних владениях племена Джебель Нефуса в Триполитании, луата и другие, кочевавшие до границ Марокко и Сахары. Вместе с тем город стал торговым центром и складочной базой этих племен. В нем осели их богатые купцы и «клиенты», имевшие здесь свои кварталы, мечети, рынки с концентрировавшимися вокруг них ремесленниками³³.

Одновременно Тахерт стал также центром исламизации племен ботр³⁴. Господствующим толком оставался хариджизм. Но в городе жили и пользовались свободой приверженцы ортодоксального мусульманства, которые имели здесь влиятельных шейхов³⁵. Тахерт просуществовал до 909 г., претерпев глубокие изменения. В конце VIII в. произошло два раскола. Расправа с раскольниками «ускорила превращение имамата в королевство»³⁶. Вместе с тем начался процесс смешения горожан арабов с берберами. В начале истории Тахерта упоминаются горожане арабы Куфы, Басры, Кайруана со своими рынками³⁷, затем они более не встречаются. Зато появляется на сцене влиятельная группа ремесленников³⁸. Осевшая в городе знать окрестных племен опирается на своих соплеменников, но вместе со всеми горожанами противопоставляет себя «арабам»; так они называли кочевников берберов³⁹. «Знать зената» охраняет караваны города от «племен зената»⁴⁰.

Этот процесс шел и в других городах. Топонимика Алжира (Джазира бени мезгана), Бужи (Баджя), Медеа (аль-Медия) и Милиана свидетельствует о возникновении этих городов в качестве центров племен; так, она точно совпадает с именами последних. Но затем зириды стали чеканить свою монету, ввели в армии денежное жалование⁴¹; ускорило развитие рыночных связей, началось обособление ремесел в городах. Посетивший Алжир в конце X в. ибн Хаукаль отмечает в городах металлургию, судостроение, водяные мельницы, ткачество и т. п. Над домами возвышались замки феодально-патриархальных вождей, наместников-откупщиков. Регулярно функционировали базары с караван-сараями, таможни. К этим городам уже применима яркая характеристика Ф. Энгельса: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию»⁴².

Общественно-экономическое развитие сопровождалось взаимовлиянием языка и культуры арабов и берберов, облегченным близким

tes, ч. III, Paris, 1908; в последующих ссылках — Actes...). Автор — житель Тахерта, современник последнего правителя его, не хариджит.

³² Ас-Сегйр, стр. 15, в пер. стр. 71—72.

³³ Там же, стр. 16, 26—27, 37—39, 47, в пер. стр. 73—74, 85—86, 99—102, 111.

³⁴ В племенах беранес влияние ислама было слабее, здесь чаще встречались доисламские собственные имена (ср. ибн-Халдун, I, стр. 200, в пер. II, стр. 9).

³⁵ Ас-Сегйр, стр. 44, 50, в пер. стр. 108, 116.

³⁶ Там же, стр. 20, в пер. стр. 77, а также стр. 17—20, в пер. стр. 74—77.

³⁷ Там же, стр. 13, в пер. стр. 68.

³⁸ Там же, стр. 49, в пер. стр. 114.

³⁹ Там же, стр. 20, 39 и др., в пер. стр. 77, 79; ср. также L. Mercier, L'Arabe usuelle dans le Sud Oranais..., Actes... стр. 286.

⁴⁰ Ас-Сегйр, стр. 50, в пер. стр. 115.

⁴¹ Новеири, приложение к переводу ибн-Халдуна, II, стр. 491—492.

⁴² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 140.

родством. Лишь в отношении одного города, Тобна, отмечается факт розни между арабами и берберами⁴³. В Тахерте верхи горожан широко воспринимают язык религии и законодательства, отражающих их интересы. Здесь были свои ученые богословы, фақыхы, грамматики. Сын основателя династии написал мусульманский трактат на арабском языке. Диспуты между представителями разных толков, связанные с вопросами арабского языка, привлекали и берберскую знать. Родовое имя некоторых богословов свидетельствует о принадлежности их к берберам. Главным қәди Тахерта был фақых аль-Хаввәри из Джебель Ау́раса. Знание арабского языка проникало из города к полукочевым племенам⁴⁴.

В Тахерте скорее, чем в некоторых других районах, арабский язык стал государственным. Его династия ростемиды (персы по происхождению), двор и разноязычное население могли общаться, очевидно, только на арабском языке⁴⁵. Что касается широких масс, особенно в племенах, то заимствованная ими в те годы арабская лексика еще подчинялась, как правило, нормам берберской грамматики⁴⁶, подготавливая, однако, почву для последующей арабизации. Перечисленные процессы и события — разгром и переселения берберов 'аураба, джерәва, хариджитских племен (в том числе хаввәра), кетәма, угасших вместе с вышедшими из этого племени фатымидами, — все это привело к исчезновению одних племен, значительному смешению и перегруппировке других. Вместо прежнего названия «ботр» фигурирует уже лишь частично соответствующее ему родовое имя зенәта, обозначавшее прежде одно из племен, отпочковавшихся от дар'иса; название беранес заменяется именем одного из крупнейших его племен, сен-хәджа. Новая классификация явно выражала тенденцию перехода к группировке вокруг ведущих племен данного района, зоны, независимо от кровнородственных связей⁴⁷.

3. Массовое проникновение арабов в Алжир и смешение с ними берберов

Отложившиеся от фатымидов их наместники раскололись на две династии (1014—1015): зйридов, правивших на востоке Алжира, и хаммадидов — в южной и юго-западной его части. Фатымиды, используя распри, разгоревшиеся между этими династиями, а также борьбу их с магрәва за Тлемсен, в середине XI в. двинули из степей Египта на Северную Африку арабских кочевников⁴⁸. С одним из трех главных вождей этих бедуинов зйрид аль-Мо'изз пытался сговориться, чтобы направить его бедуинов против хаммадидов. Но тот признал себя бессильным ввести в рамки движение кочевников⁴⁹. Безуспешным оказалось и сопротивление аль-Мо'изза — армия его в тридцать тысяч человек была разгромлена силами бедуинов. Зйриды, оттесненные к побережью,

⁴³ Ибн Хаукаль, стр. 85.

⁴⁴ Ас-Сегйр, стр. 13, 25, 44—46, 57 и сл., в пер. стр. 68, 82, 107—110, 123.

⁴⁵ Там же, стр. 27, 36—39, в пер. стр. 86, 99—102 и др. Автор пишет здесь и о персах горожан, помимо дворцовых. Тот факт, что последние называются 'аджам (ар.—чужезычные, персы; переводчик не раскрывает значения слова), свидетельствует, что они говорят между собой на своем языке.

⁴⁶ Таковы, например, слова мечеть (тамсгит), молитва (тазаллит), названия особых ежедневных молитв, слово город (тамдинт) и др. (см. R. Basset, Les mots arabes passés en berbère, Orientalische Studien, Gieszen, I, 1906, стр. 439—440).

⁴⁷ По этой именно причине некоторые племена, например, 'аураба, хаввәра относились разными авторами к различным группам.

⁴⁸ По ибн Халдуну — в 1051 г. (т. I, стр. 18, в пер. стр. 34); по другим данным — в 1053 г. или позднее.

⁴⁹ Ибн 'Аззәри, I, стр. 300—301 в пер. стр. 433—434.

правили еще некоторое время, выплачивая дань бедуинам. В середине XII в. норманны лишили их последнего прибежища⁵⁰.

В эти же годы Алжир был наводнен вторгшимися из Марокко кочевниками берберами, названными, по религиозной форме их движения, мурабитами. Хаммадида оказались под перекрестным огнем и в 1062 г. перенесли свою столицу в Бужи, недоступный для кочевников. Здесь посредством брачных союзов с верхами знати они временно укрепились, собирали при дворе ученых, поэтов, искусных мастеров, бежавших из разоренных бедуинами городов (Кайруан и др.).

Мурабиты все более усиливали налоговое бремя для поддержания роскоши своих новых резиденций. Эта роскошь и «незаконные» (некоранические) налоги, в условиях разоренной страны и голода масс, вызвали возмущение оседлых племен, усилили вожделения кочевников к богатствам городов. В начале XII в. в Бужи начал свои проповеди ибн-Тумерт, последователи которого назывались муваххидами. Идеология последних, направленная против языческих пережитков, отражала тенденцию к объединению племен. Но религиозная форма ее и основные движущие силы муваххидов — отсталые горцы Атласа, кочевники — ограничили роль движения. В Алжире муваххиды разорили города Тлемсен и Оран. К середине XII в. они покорили всю Северную Африку и Испанию. В 1212 г. полумиллионная армия муваххидов была разгромлена в Испании, и вскоре их власть была свергнута: в Марокко племенем бану мерин, в Алжире и Тунисе — наместниками муваххидов — хаффидами (1228—1229); от последних вскоре отложился Алжир, возглавленный местной династией зйанидов.

Вторжение арабских бедуинов было важнейшим фактором этногенеза в Северной Африке. С одной стороны, впервые значительные массы арабских племен вклинились в расположение берберов, с другой стороны, вторжение замедлило этногенез, ибо оно было «нашествием саранчи, которое расстроило управление страны, разорило ее селения, прервало пути»⁵¹.

Из двух основных племен вторгшихся бедуинов, хилаль и бану сулейм, первые разместились в Алжире. К хилаль примыкали многочисленные группы, сохранившие еще память о своем иноплеменном происхождении⁵². Это характеризует степень ослабления кровнородственных связей в их среде. Переселение обострило стремление основных ветвей хилаль — 'асбедж, рйах, зогба — к самостоятельности. Фатымиды усилили распад племени, назначив вождям ветвей различные эмираты в Алжире⁵³. Эта тенденция ослабила верховное управление племенем хилаль, осуществлявшееся подразделением дорейд ветви 'асбедж⁵⁴. Она же обострила борьбу знати внутри различных подразделений. Дорейд и некоторые другие из восьми крупнейших подразделений 'асбедж управлялись своеобразными дуумвиратами, вождями соперничавших родов⁵⁵.

⁵⁰ Там же, I, стр. 302—304, в пер. стр. 436—438; ибн Халдун, I, стр. 18—26, 205—209; в пер. т. I, стр. 33—46, т. II, стр. 21—29.

⁵¹ Ибн Халдун, I, стр. 21, в пер. стр. 37, а также т. I, стр. 18, в пер. стр. 33. Арабские авторы определяли численность бедуинов в один миллион человек. Другие считают не без основания, что бедуинов не могло быть более двухсот тысяч.

⁵² Ибн Халдун перечисляет около 15 имен таких групп (т. I, стр. 22, в пер. стр. 38—39).

⁵³ О влиянии завоеваний на распад племен см. К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, М., 1940, стр. 9; см. там же, стр. 24 о связи «форм субординации» с образом жизни племен.

⁵⁴ Ибн Халдун, I, стр. 21—22, в пер. стр. 37—38. К ней примыкали все иноплеменники.

⁵⁵ Там же, I, стр. 32—33, в пер. стр. 54—56.

Берберские династии широко использовали распри бедуинов. В столкновении с группой дорейд был убит вождь другой 'асбеджитской группы; муваххиды выселили часть 'асбеджитов в Марокко, ослабив всю ветвь⁵⁶. Подобная же участь постигла ветвь *riaħ*. Управление ею делили две семьи многочисленного рода *дўаида*, претендовавшие также на верховное управление племенем; хафсиды подняли одну их часть против другой, ослабив обе⁵⁷.

В этой борьбе племя *хилаль* распалось; три главные ветви его сформировали отдельные племена, поглощая при этом части соседних племен, теряя связь с некоторыми своими родами, в соответствии с новым размещением и складывавшимися отношениями господства-подчинения. Так, из упомянутых 'асбеджитов два основных подразделения — *даххак* и *латиф*, «ослабленные», потерявшие свои земли, покорились чужим племенам, осели в *Забе*, построили здесь селения и «города»⁵⁸.

Племя *зогба*, действуя в союзе с основателями династии *зйāнидов*, было награждено землями в Центральной зоне. Но, оставаясь кочевниками, они вступили в конфликт со своими союзниками, закладывавшими основы государства и боровшимися против бедуинских набегов. Вскоре они вернулись в зону степей. Однако часть *зогбитов* уже осела в западной части Алжира⁵⁹. Например, о подразделении *зогбитов*, подчинившем ряд селений *зенāта*, *ибн Халдун* сообщает: «Часто некоторые из *надр*, ослабев для кочевой жизни, оседают среди берберов»⁶⁰.

Маркс указывал: «Племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды — различие, еще сильнее развивающееся от смешения победителей с покоренными племенами и т. д.»⁶¹. В исследуемой нами обстановке низшие роды бедуинов, оседая, смешивались с покоренными *зйāнидами* земледельцами — берберами. Напротив, могущественные роды бедуинов, подобно кочевникам берберам, сохраняли состояние «укрывающихся под сенью копий, живущих приплодом верблюдов и промысляющих на больших дорогах...»⁶².

Таким образом, наиболее сильные роды бедуинов, привязанные своими стадами к степи и сделавшие ее главной ареной своей деятельности, остались на низкой ступени развития. В то время как первые арабы, возглавленные *курейшитами*, начали завоевание Северной Африки с построения *Қайруана*, превращавшегося после *хариджитских* восстаний в центр торговли и ремесла⁶³, бедуины начали с разорения этого и других городов. Тем самым роль *хилалитов* в истории Алжира была ограничена. Они не выдвинули ни независимых правителей страны, ни наместников пославших их *фāтимидов*. Даже

⁵⁶ Ибн Халдун, I, стр. 30, в пер. стр. 51—52.

⁵⁷ Там же, I, стр. 50—51, в пер. стр. 81—84.

⁵⁸ Там же, I, стр. 33—34, 44, в пер. стр. 56—57, 72. Оседание как процесс, охватывающий племя по частям и постепенно, подтверждают данные языка. Так, исследователи изучаемого района перечисляют три разных термина, обозначающих оседание: *қсўрия* — постоянное проживание в глинобитных жилищах; *қайāна* — временное оседание в палатках части племени, рода, лишившейся верблюдов вследствие эпизоотии и т. п.; *мухāйф* — оставленные с частью стада в одном стане на время угона скота в другой стан (L. Mercier, L'Arabe usuelle..., Actes стр. 305, 306).

⁵⁹ Ибн Халдун, I, стр. 60, в пер. стр. 96. Среди осевших были роды *флята*, *шебаба*, *бў камель* и другие из подразделения *сувейд* (*свид*), с которыми мы еще встретимся.

⁶⁰ Там же, I, стр. 71—72, в пер. стр. 114, а также т. I, стр. 56, 60—63, в пер. стр. 91, 96—101.

⁶¹ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, М., 1940, стр. 8.

⁶² Ибн Халдун, I, стр. 106, в пер. стр. 167.

⁶³ Ибн Аззари, I, стр. 65, в пер. стр. 92.

бедуины племени зогба, ставшие наиболее могущественными среди арабов Алжира и проникшие в Центральную зону, оказались вынужденными признать здесь первенство полукочевников зенāта, провладевших важнейшими позициями.

Бедуины, разгромив сенхādжа и их династию, действуя порою в союзе с зенāта, развязали активность последних. Имело значение и то, оттеснив затем зенāта от лучших пастбищ, от оазисов, бедуины усилили борьбу зенāта за Центральную зону⁶⁴. В числе этих зенāт был вытесненный бедуинами из района Заб и кочевавший в степной зоне к югу и юго-западу от Тлемсена союз банū бādйн из родственных подразделений распавшегося племени уāsйн. Самым сильным подразделением считалось 'Абд аль-Вād, развившееся при муваххидов в сильное племя. За поддержку муваххидов племя получило в качестве 'иктā долины Центральной зоны и Телля вблизи Тлемсена. Доходы с них укрепили феодальные элементы племенных верхушек. Ибн-Халдūн сообщает о них: «Отправляясь на свои пастбища в степи, они оставляли на возвышенностях своих вассалов для засева полей и уборки урожая и собирания хārādжа с их подданных»⁶⁵.

Вступив в союз с бедуинами зогба, племя 'Абд аль-Вād распространило свое влияние до побережья⁶⁷. В столкновениях знати по вождю племени Зйāн, но потомки его одолели соперников, став наместниками хафсидов в Тлемсене, а с 1236 г. отложились от них⁶⁸.

Четвертый преемник Зйāна, сын его, Ягмурāsен ибн Зйāн, овладев Тлемсеном (1248), основал здесь столицу государства зйāнидов, организовал централизованное войско, правительственный аппарат, чеканил свои деньги, облачался в «регалии султана»⁶⁹. Последующие зйāни подчинили себе восточные области — Медею (1290 г.), Алжир и Мисрану (1313). О султанине абū Хаммū I (1307—1318) из этой династии очевидно заявил: «Прежде у них были лишь вожди кочевников. Он научил племена зенāта понимать политику королевской власти».

Складывание раннефеодального государства зйāнидов интенсифицировало этногенез путем смешения берберов с арабами. Уже зйр Мо'изз, пытаясь опереться на бедуинов, выдал трех своих дочерей за бедуинских эмиров. Союз племен зогба и 'абд аль-вād расширил эту практику. Феодальное расслоение объединяло берберскую и арабскую знать общими интересами увековечения эксплуатации племенных масс. Это вылилось в форму присвоения берберской знатью арабской генеалогии. Приписывая себе происхождение от рода пророка (шерифы «благородных»), знать освящала таким образом свое привилегированное положение. Вместе с тем усиливалось и фактическое смешение с арабской знатью.

⁶⁴ См. ибн Халдūн, I, стр. 24, 25, 53, в пер. стр. 37, 45, 87.

⁶⁵ Там же, II, стр. 85—88; в пер. т. III, стр. 305—309; см. также Яхья ибн Халдūн, I, стр. 124.

⁶⁶ Ибн Халдūн, II, стр. 107—108, в пер. т. III, стр. 338.

⁶⁷ Ибн Халдūн, I, стр. 28, в пер. стр. 49.

⁶⁸ Называются и другие даты основания независимой династии зйāнидов.

⁶⁹ Яхья ибн Халдūн, I, стр. 111, в пер. стр. 148. Автор исчисляет налоговые доходы Ягмурāsена, еще недавно жившего в шатре, в сто тысяч динаров (стр. 111 в пер. стр. 151); см. также ибн Халдūн, II, стр. 110, в пер. т. III, стр. 341.

⁷⁰ Ибн Халдūн, II, стр. 142; в пер. т. III, стр. 384. Египтянин, путешественник конца XV в. 'Абд аль-Басит (R. Brunschwig, Deux récits de voyage en Afrique du Nord au XV siècle, Paris, 1936) приводит описание богатого двора и правительства зйāнидов того времени (текст стр. 47—49, 61, в пер. стр. 111—113, 129). Султане абū Хаммū II придворный историк зйāнидов сообщает, что он составил для своего наследника пособие «Ожерелье жемчуга, или книга, трактующая о правлении властелинов» (Mohammed ibn Abd el-Djelyl et-Tenessy, Histoire des Beni Zeiyan..., пер. J. J. L. Barges, Paris, 1852, стр. 72).

Ягмурасен сохранил берберское имя (ягмур — по-берберски «родоначальник»), говорил по-берберски. Через полтора века служивший у зйāнидов ибн Халдун отдает еще предпочтение берберской родословной зйāнидов⁷¹, но брат его Яхья, подтверждая, что Ягмурасен говорил по-берберски, считает уже зйāнидов потомками 'Али⁷². А в период упадка зйāнидов придворный историк уже приводит подробное древо, доказывающее прямое происхождение их от 'Али, зятя пророка⁷³. Соперничая с зйāнидами, род, главенствовавший в родственном им подразделении туджйн, также возводил свое происхождение к арабам⁷⁴. Идеолог муваххидов, ибн-Тумерт, причислялся к потомкам пророка, вопреки берберскому происхождению и форме имени⁷⁵. С другой стороны, арабская генеалогия стала панaceей от притеснений. С этой целью к арабам относили себя разгромленные шииты (кетāма), хариджиты (хаввāра, ульхафа, йфрен) и др.⁷⁶

Выше уже было отмечено смешение народных масс, связанное преимущественно с оседанием «ослабевших» родов господствующих племен в покоренных селениях, с развитием меновых отношений, с совместной борьбой и вызываемыми ею переселениями. Кроме того, погоня знати за «благородной» арабской родословной касалась, очевидно, иногда и части племенных масс.

Продолжалось в эти века и смешение в форме берберизации. Так, в Забе, где 'асбеджиты осели и стали зависимыми от берберов, род бану Мозни, выдвинувшийся из среды арабов и правивший ими, уподобился берберам⁷⁷. Примыкавшие ранее к 'асбеджу арабы джошемиты считались поглощенными берберами лўата⁷⁸. Обычно в оазисах жители их, берберы, эксплуатировались бедуинами, ревниво консервировавшими этнические различия. Но разорявшиеся бедуины оседали в оазисах и неизбежно берберизовались⁷⁹.

4. Иммиграция андалусцев, феодализация городов и роль их в этногенезе

Наряду с берберскими армиями, посылавшимися с 710 г. в Испанию (Андалусию), туда не прекращался приток арабов. Несмотря на распри при разделе добычи, общая борьба против «неверных» сплачивала здесь тех и других. Часть их затем пополняла ряды купцов, мореходов, садоводов, ремесленников. С течением времени все слабее становилась родоплеменная связь, вытесняемая цеховыми, сословными отношениями⁸⁰.

⁷¹ Ибн Халдун, II, стр. 100—101, в пер. т. III, стр. 328—329.

⁷² Яхья ибн Халдун, I, стр. 78, 115; в пер. стр. 100, 156.

⁷³ Et-Tenissy, стр. 146.

⁷⁴ Ибн Халдун, II, стр. 237, в пер. т. IV, стр. 19.

⁷⁵ Там же, т. I, стр. 298, в пер. т. II, стр. 161—162. Тумерт — берберск. уменьшительное от имени 'Умар (соответствующее арабской форме 'Умайр). В молодости ибн Тумерта звали еще Амгар, что означает по-берберски «вождь», «старший».

⁷⁶ Ибн Халдун, I, стр. 41, 125, 145, 179—180, 389, в пер. т. I, стр. 67, 197, 230, 279, т. II, стр. 303 и др. Яхья ибн Халдун прямо причисляет хаввāра к арабам (т. I, стр. 112, в пер. стр. 150). Некоторые генеалогисты вообще относили всех сенхаджа к южно-арабским племенам, зенāта — к берберизованным арабам (см. и бн 'Аззāри, I, стр. 208—209, в пер. стр. 289; ибн Халдун, II, стр. 2—3, в пер. т. III, стр. 181—182; Р. А. № 43, 1899, стр. 248; Яхья ибн Халдун, I, стр. 118, 121, 123).

⁷⁷ Ибн Халдун, I, 626, в пер. т. III, стр. 126—127.

⁷⁸ Там же, I, 149, в пер. стр. 236, и I, стр. 177, в пер. стр. 279 (о подобном же поглощении арабского подразделения хавваритами).

⁷⁹ В оазисах, кроме того, было особенно заметно смешение берберов и арабов с суданцами. Ибн Хаўқаль считает ряд племен Алжира, выдвинувших многих знаменитых вождей, ученых и т. д., выходцами из Судана (т. I, стр. 105). Об огромной роли суданцев в формировании аборигенов Северной Африки говорят и западноевропейские исследователи (О. Бернар, Указ. соч., 73 и F. Stuhlmann, Ein kulturgeschichtlicher Ausflug in dem Aures, Hamburg, 1912, стр. 150).

⁸⁰ Hitti, History of the Arabs..., стр. 527—529.

Общий опыт берберов, арабов и аборигенов, принявших ислам, совместное творчество их создали мавританскую культуру с арабским языком как формой ее, сформировали самих носителей ее, андалусцев⁸¹.

Многие андалусцы издавна иммигрировали в Алжир. Еще в X в. известны были города, построенные в Алжире под их руководством⁸². Они основали здесь город Оран (Вахрāн), ставший со времен муваххидов основной верфью и гаванью, связывавшей Алжир с Испанией. С помощью андалусцев зйāниды организовали свой государственный аппарат, в котором работали, в частности, цитируемые здесь историки рода Халдун — иммигранты из Испании. После потери мусульманами Севильи (1248) и завершения реконкисты (1492) эмигранты из Испании стали исчисляться сотнями тысяч; по некоторым данным после восстаний тайных мусульман (морисков) и свирепого подавления их в 1568—1570 и 1609 гг. из Испании бежало около полутора миллиона человек. Из них многие осели в Алжире⁸³.

Объектом расправ инквизиции с XVI в. стали и портовые города Алжира. Европейские корсары издавна производили сюда набеги. В 1505 и 1509 гг. «великий инквизитор» Хименес возглавил походы, завершившиеся захватом Орана, Бужи, подступов к городу Алжиру. Он преследовал двойную цель: «обратить мусульман в Африке или перерезать их... Иметь возможность через свою инквизицию беспрепятственно хватать, сжигать и изгонять евреев, мусульман и новообращенных христиан в Испании»⁸⁴. Общая опасность и борьба против инквизиции сблизили арабов, берберов и андалусцев.

В этот период значительную роль в процессах этногенеза сыграли города. Кайрūāн с его укреплениями, мечетью, рынком и администрацией знаменовал первый шаг завоевания арабами Северной Африки. Феодальная экспроприация и эксплуатация земледельца осуществлялись, как мы видели, в форме налогообложения хараджа, превращавшего земли в собственность государства, а непосредственного производителя — в закабаленного арендатора. Часть хараджа халиф предоставлял арабской знати в форме 'икта' на завоеванные ею земли⁸⁵. И неизменно во всех известных нам случаях феодал для реализации своих привилегий строил город с укреплениями, мечетью, рынком, «диванами»⁸⁶.

Дифференциация в племенах также превращала вождей во владельцев городов⁸⁷, взимавших налоги со скотоводов, с земледельцев. Платили харадж и города, но только более могущественным владельцам городов, правителям, откупщикам, резиденцией которых всегда оставался город, укрепленный железными воротами, высокой каменной стеной⁸⁸.

Здесь, очевидно, неизвестны были владельцы крупных запашек, нет следов подчинения им городов. В нескольких милях от Бужи, Тлемсена, Тахерта и других городов Алжира находились многочисленные орошаемые сады на берегах рек. Но они принадлежали горожанам, служили главным образом дачей, укрепленным укрытием во время городских междоусобиц; наибольшее экономическое значение имели коневодческие

⁸¹ В специальных работах упоминаются факты, свидетельствующие о влиянии берберского стиля на мавританский (А. Berque, *L'Algérie, terre d'art...*, Alger, 1937, стр. 146, 159).

⁸² Ибн Хаўкаль, I, стр. 85.

⁸³ Haedo, R. A., 1870, стр. 495.

⁸⁴ К. Маркс, Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. VII, 1940, стр. 129.

⁸⁵ Ибн Халдун, I, стр. 282 и сл., в пер. т. II, стр. 137 и сл.

⁸⁶ Там же (диваны, ар. — департаменты).

⁸⁷ Ибн Хаўкаль, I, стр. 101.

⁸⁸ Ибн Хаўкаль, I, стр. 81, 101; ас-Сегйр, стр. 26, в пер. стр. 85; Ibn Fadl Allah al-Omari, *Masālik el Absār fi Mamalik el Amašār*, I; перевод De-mombrines, Paris, 1927, стр. 170.

фермы городской знати, обслуживаемые, очевидно, одними рабами⁸⁹. Во всяком случае все известные в Тāхѣрте, например, конфликты решали правители города. А племена, зная их привлекались только по инициативе городских сородичей⁹⁰. Это относится и к другим городам и распространяется на весь период до XV в. включительно.

Иммиграция андалусцев еще больше укрепила роль и значение городов. Вторгнувшиеся в XI в. бедуины разоряли города, но некоторые центры были для них недоступны. В числе их была Константина, построенная римлянами на скале, на месте разрушенной ими Сирты, столицы Нумидии. Зная бедуинов расположившегося у подножья Константины рйāхитского рода дўāвида делила с именитыми горожанами власть и выгоды от совместной эксплуатации окрестных земель, от караванной торговли, охраняемой бедуинами. В свою очередь город стал вовлекать бедуинов в торговлю, товарное производство, стал складочным пунктом для накоплений бедуинской знати. Город застроился богатыми, красивыми зданиями⁹¹. Сохранились и другие города, в числе их Милиана, которую в начале XVI в. Лев Африканский описывал как город, «все жители которого ремесленники»⁹².

Избегли разорения бедуинов прибрежные города. Город Алжир со второй половины XV в. стал «вольным», управляемым именитыми купцами и ремесленниками, среди которых андалусцы составляли основное ядро. Деятельность алжирского порта была ограничена испанцами. С 1510 г. они заняли и укрепили остров на подступах к городу. Но благодаря союзу с бедуинами племени са'āлеба, зная которого возглавила управление Алжиром, ремесленники и купцы города не лишились экономических связей с соседями⁹³. В Бужи андалусцы играли такую же важную роль. Изоляция от Центральной зоны и удобная гавань вызвали большое развитие судостроения и судоходства. Жители окрестных гор поставляли верфям лес и смолу, а в известной мере, образовали также резерв рабочих и команд, вербовавшихся на суда. Для постройки последних купцы формировали товарищества. Они использовали суда для торговли и корсарства⁹⁴. Бужи славился также разработкой медных и других руд. Своими столичными и храмовыми постройками Бужи заслужил название «маленькой Мекки». Кроме этих городов, по архитектурным памятникам можно судить об известном процветании Орана, Ма'аскара, Бона (Бўна)⁹⁵.

Но основной центр политической жизни с XII—XIII в. переносится на запад. Зйāниды сделали своей столицей Тлемсен. Топонимика его — история важного центра и грозных боев за обладание им. Еще пунийцы построили здесь укрепление Агадир (берберск. — укрепленное место). Для римлян, сделавших Алжир своей житницей, Агадир стал Помарией: местность славилась садами, плантациями, полями, орошаемыми реками и каналами; окрестные племена славилась табунами коней. После римлян зенāта построили здесь город, назвав его Тлемсен. Осаждая его, мурабиты укрепились рядом, построив город Тагарт (берберск. — уменьшительное, соответствующее слову агадир), а мериниды — Манеўру (арабск. — победный лагерь), ставшие затем частями разросшегося Тлем-

⁸⁹ Ас-Сегйр, стр. 10, 25, 26, 51—52, в пер. стр. 65, 83, 85, 113, 116, 117; Ibn Fadl Allah, стр. 112—113; автор сообщает о предоставлении высшим командирам войска крупных обрабатываемых участков.

⁹⁰ Ас-Сегйр, стр. 27 и сл., 35 и сл., 49 и сл., в пер. стр. 87, 98, 115

⁹¹ 'Абд аль-Басйт, стр. 40, в пер. стр. 101.

⁹² Цит. по А. Verque, стр. 279.

⁹³ См. там же, стр. 143 и сл.

⁹⁴ Ибн Халадун, I, стр. 619, в пер. т. III, стр. 117.

⁹⁵ См. M. Verbrugger, Algérie historique..., чч. II и III, Paris, 1843; Ibn Fadl Allah, стр. 112—113.

сена. Вплоть до XVI в. неприятели неоднократно овладевали Тлемсеном. Все же свыше четырех веков Тлемсен неизменно оставался единственной столицей зйанидов, вновь и вновь возрождаясь из пепла. Население его пополняли соседние арабские и берберские племена и иммигранты — андалусцы.

Острота борьбы за Тлемсен подчеркивает выдающуюся роль города как области контакта разных племен и групп. Эта черта отражена в топонимике города: тлем — единение, сан — два, т. е. единение Телля с Сахарой⁹⁷.

Экономическое и культурное значение города возросло с иммиграцией андалусцев, игравших здесь выдающуюся роль. Все они являлись искусными мастерами — архитекторами, декораторами, каменщиками, позолотчиками или садоводами, купцами. При их участии созданы были лучшие постройки города. Особо славились тлемсенские шерстяные и шелковые ткани, одежда с богатым шитьем и т. п. Считают, что в XIV в. в Тлемсене проживало две тысячи европейских купцов, Тлемсен вел большую торговлю с Суданом⁹⁸.

При дворе собирались поэты, артисты, покровительствуемые зйанидами. Славились тлемсенские врачи. Духовенство также сделало Тлемсен своим центром. Богословы не ограничивались уже проповедью, обучением Корану. Ими был монополизирован суд, ранее и в городах совершавшийся большей частью по обычному праву. Духовенство стало влиятельным феодальным сословием. Мраморная табличка, укрепленная в стене Тлемсенской мечети, перечисляет ряд земельных владений, купленных султаном в 1498—1501 гг. и обращенных во владение «хабус», доходы с которого, а затем и фактическое распоряжение им были переданы духовенству⁹⁹. Наряду с богословами, представлявшими официальную религию, здесь же подвизались с XII—XIV вв. многочисленные «чудотворцы», мистики, от которых отсталые угнетенные массы ждали заступничества перед аллахом. Могилы этих «святых» в Тлемсене стали местом поклонения и базой объединения их почитателей в братства. Руководили ими обычно наследники основателей братств, которых так же, как и их предков, называли марабутами¹⁰⁰.

Таким образом, развитие городов, несмотря на разорения, вызванные бедуинами, несмотря на ставившиеся европейцами препятствия развитию морских связей, превратило эти города в феодальные центры. Государственные и религиозные учреждения подавляли и усыпляли массы, укрепляли и освящали феодальную эксплуатацию. В ходе развития городов здесь интенсивно смешивались берберы с арабами и андалусцами. Феодальные города Алжира стали центрами формирования народности.

Этот процесс не замыкался пределами города. Известны случаи возвращения берберов в свои племена из Испании после десятков лет пребывания там¹⁰¹. Они становились проводниками влияния андалусцев на племена. Разложению первобытно-общинных отношений способствовали также братства, основывавшие на территории племен свои «филиалы», *скиты* (завий). С укреплением сословных перегородок растворялись

⁹⁶ 'Абд аль-Басит, стр. 36, 42, 46, в пер. стр. 97, 104, 110 и J. J. L. Bargès, *Complément de l'Histoire des Beni-Zeiyan*..., Paris, 1887, стр. 417 и сл.

⁹⁷ Такое объяснение приводится у Яхья ибн Халдūна (I, стр. 9, в пер. стр. 14). Важен факт распространенности такого объяснения, независимо от его истинности. Второй ибн Халдūн (II, стр. 106, в пер. т. III, стр. 334) считает, что имеется в виду единение суши с морем; однако удаленность от моря и реальная роль города делают это объяснение менее убедительным.

⁹⁸ Haedo, K. A., 1870, стр. 494—495; Ibn Fadl Allah, стр. 125, 191—193.

⁹⁹ J. J. L. Bargès, *Complément*..., стр. 410—411.

¹⁰⁰ Яхья ибн-Халдūн перечисляет около ста имен богословов и марабутов, похороненных в Тлемсене. В списке встречаются как арабские, так и берберские родовые имена (I, стр. 59, в пер. стр. 80).

¹⁰¹ См., например, ибн-'Аззари, I, стр. 281, пер. стр. 401.

этнические, культурные различия; формирование народности интенсивно распространялось из городов на соседние селения, на племена.

Неизменным элементом этого процесса был углублявшийся конфликт между массой и знатью. На этой почве здесь еще до арабов развернулись «еретические» движения монтанистов, так называемых циркумцелионов и донатистов, направленные против порабощения масс как чужеземцами, так и местной знатью. Это относится и к восстанию хариджитов. Недаром феодальные историки щедро наградили первого вождя их Майсару такими эпитетами, как аль-хақір (низкий), ас-саккә (водонос), и особо отметили, что призыв к восстанию нашел живой отклик именно у «подонков берберов»¹⁰².

В созданных восстаниями хариджитских и других княжествах, у зйәнидов, в городе Алжире, массы продолжали борьбу и часто свержали правителей. Элемент социального протеста выступал и в отвращении масс от богатого, чванливого ортодоксального духовенства в сторону «святых», прославившихся действительным или мнимым аскетизмом, раздачей имущества, почтительным отношением к бедноте и презрением к богатству. Независимо от формы, борьба масс интенсифицировала классовое размежевание, сближала разоренных арабов и берберов на одном полюсе и феодальную аристократию — на другом.

Описанные перемещения и массовые движения, нарушая локальную разобщенность племен, обособленность их, расширяли языковой контакт между ними, содействуя нивелировке берберских языков. Выражая эту тенденцию формирования общенародного языка, некоторые круги «еретиков» пытались заменить арабский Коран берберским¹⁰³. Но развитию общенародного берберского языка препятствовала исторически обусловленная отсталость берберской письменности. И верхи берберов, вслед за отстаиванием арабского ритуального языка, привлекли его как единственный письменный язык, задержав еще больше развитие берберского.

После XI в., с внедрением бедуинов, вклинившихся в берберский массив, с иммиграцией андалусцев, занявших ведущее положение в городах, арабская речь стала общенародным языком значительного контингента населения. Затем последовали изменения, характерные, как отметил И. В. Сталин, для истории языков: «дальнейшее развитие производства, появление классов, появление письменности, зарождение государства, нуждавшегося для управления в более или менее упорядоченной переписке, развитие торговли, ещё более нуждавшейся в упорядоченной переписке..., развитие литературы...»¹⁰⁴. Следствием этого развития в Алжире было превращение арабского в единственный письменный и государственный язык, основной язык феодализирующихся городских центров. Расширение контакта арабского языка с берберским выдвинуло проблему средства общения между берберами и арабами. Им стал арабский язык. Он стал и общенародным языком смешанных племен, и вторым языком верхов бербероязычных племен.

Арабский язык стал основной языковой формой культуры Алжира, результатом и орудием этногенеза. Еще ибн Халдун сообщал, например, о двух берберских племенах, что они «забыли даже свой непонятный говор, усвоили арабский язык, всегда одеваются подобно арабам»¹⁰⁵. Хотя автор, видимо, судил тогда по племенной верхушке, но несомненно, что в XVI в. этот процесс стал типичным не только для верхов или для отдельных племен.

¹⁰² Ibn el Athir, *Annales...*, стр. 63; ибн 'Аззари, I, стр. 40, в пер. стр. 53; ибн Халдун, I, стр. 137, 151, в пер. стр. 216, 237; ибн Хаукаль, I, стр. 96; «Archives Marocaines», IX, ч. II, стр. 181—183, 186.

¹⁰³ Ибн Халдун, I, стр. 286, в пер. т. II, стр. 144.

¹⁰⁴ И. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, М., 1950, стр. 26—27.

¹⁰⁵ Ибн Халдун, I, стр. 125, в пер. стр. 197; см. также I, стр. 145, 389, в пер. стр. 230, т. II, стр. 303; ибн 'Аззари, I, стр. 208, в пер. стр. 289.

5. Вторжение турок и итоги этногенеза к XIX в.

В 1516 г. глава сложившегося в городе Алжире местного правительства, шейх Селим ат-Теүми заключил союз против общего неприятеля испанцев, с турецкими пиратами Средиземноморья. В том же году «союзники» убили Селима, а затем и султана Тлемсена. Вспыхнувшие против них восстания пираты подавили с помощью янычар, присланных из Константинополя. Утвердившись таким путем, турки в 1529 г. овладели испанским фортом у входа в порт Алжир и сделали этот город своей столицей, давшей название всей стране¹⁰⁶.

Фактически власть в Алжире захватили турецкие янычары. Эта военно-феодалная каста обложила завоеванные области тяжелыми налогами и повинностями, экспроприировала лучшие пригородные земли, превратив их в свою феодальную собственность («бейлик»), устраивала систематические набеги (газва) на непокорные племена для захвата их стад. Со второй половины XVII в. янычары стали выдвигать из своей среды главу правительства (дей) вместо пашей, присылавшихся ранее на три года из Константинополя. Не прекращавшаяся борьба феодальных кланов за власть и награбленные доходы сопровождалась обычно убийствами деев. Страна расплачивалась за все это новыми поборами, новыми газва, разорением.

Овладев портами, ставшими их пиратскими гнездами, турки подчинили себе большую часть Телля. Затем они построили укрепления (борджи) в городах, на возвышенностях, господствовавших над житницами, пастбищами, коммуникациями, рынками. Снабдив борджи гарнизонами¹⁰⁷, артиллерией, турки отсюда распространяли свое господство в глубь Алжира. Опираясь на борджи, турки разжигали столкновения между племенами и, оказывая «помощь» одной из сторон, покоряли обе стороны.

Таким путем турки овладели примерно четвертой частью территории Алжира. В отличие от остальных зон, населенных племенами враждебными туркам (сиба) или полувассальными (мана'а), покоренная зона называлась махзен. Независимо от происхождения, племена области махзен делились на две группы: 1) подданные (ра'йя), платившие налоги деньгами и натурой, и 2) служебные (змала, дуаир, борджи), поставлявшие туркам отряды для сбора налогов, несения гарнизонной службы, охраны границ. Последняя группа иногда именовалась также махзен. Многие племена к XIX в. оказались частью служебными, частью — ра'йя, а то и в разных зонах.

Алжир административно делился на три бейлика: Оранский, Константинопольский и Титерийский и так называемую султанскую область (дар ас-султән), находящуюся в непосредственном управлении деев. Бей в своих бейликах назначали фәйдов служебных племен и при помощи их управляли соседними ра'йя¹⁰⁸.

Турецкие набеги разоряли земледельцев, скотоводов, а особенно коневодов, лишавшихся лучших коней¹⁰⁹. Торговые города теряли свое значение. Больше всего страдала промышленность: монополия турок на недра тормозила добычу и обработку полезных ископаемых¹¹⁰. Старая

¹⁰⁶ De Grammont, *Histoire d'Alger sous la domination turque*, Paris 1886, стр. 19 и сл.; Haedo, R. A., 1870, стр. 374 и сл., 415 и сл.

¹⁰⁷ Всех янычар и их солдатских детей (неполноправные кулоглу), организованных в отряды, насчитывали не более двадцати тысяч (см. R. A., 1897, стр. 118). В конце XVIII в. насчитывали около двух тысяч янычар, размещенных примерно в 25 укрепленных гарнизонах по 25—300 чел. (см. R. A., 1865, стр. 281—282).

¹⁰⁸ *Exploration scientifique de l'Algérie...*, t. IV, стр. 116—119; R. A., 1897, стр. 123—126; De Grammont, стр. 409—418; R. Basset, *Mélanges*, стр. 104.

¹⁰⁹ Cp. Shaw, *Voyage dans plusieurs provinces de la Barbarie*, I, La Haye, 1743, стр. 308.

¹¹⁰ Там же, стр. 307; *Exploration...*, VI, стр. 224; R. Basset, *Mélanges...*, стр. 106.

столица Тлемсен была разорена¹¹¹. Уродно развивались портовые города: процветание, например, города Алжира (в сер. XVII в. в нем насчитывали около ста тысяч жителей, пятнадцать тысяч зданий, сто фонтанов и, в окрестностях, восемнадцать тысяч садов) было в основном результатом пиратства; с падением к концу XVIII в. роли пиратства жизнь Алжирского и других пиратских портов заглохла¹¹².

Алжирцы не прекращали борьбы против турецкого гнета, объединяясь независимо от этнической принадлежности. Порой восстания докатывались до стен столицы. Напротив, иногда, подавив восстания, турки простирали свою власть до южных окраин Центральной зоны, покоряли оазисы Уарггла, Туггурт¹¹³. Эта борьба и происходившие в ходе ее перемещения племен явились важным фактором этногенеза.

Наряду с возглавлявшими восстания вождями племен и с прославленными в народных песнях выходцами из среды народных масс¹¹⁴, задачу объединения племен для сопротивления туркам выполняли и марабуты. В противовес ортодоксальному духовенству, покорному султанам Турции (халифам) и их местным наместникам, марабуты, прославившие заступниками народных масс перед аллахом, не могли уклониться от защиты их против турок. Обычно заступничество ограничивалось посредничеством и сделкой с турками, приносившей существенные привилегии марабутам и призрачное облегчение массам. Некоторые завьи признавались неприкосновенными убежищами, некоторые племена освобождались от чрезмерных поборов (главным образом в пользу тех же марабутов)¹¹⁵. Такова была, например, основная линия братства Тиджания, отпочковавшегося в 1781 г. от самого распространенного в Алжире ордена Кадерия. Основатели Тиджания учили, что «если аллах терпит какую-нибудь власть, то потому, что эта власть необходима»¹¹⁶. Втайне от масс марабуты Тиджания приняли даже в свой орден тунисского бея¹¹⁷.

Однако некоторые братства поддерживали борьбу против турок. Эту линию отражает изречение известного марабута из Мустаганема: «турок и руми — одной шайки, покончим с ними разом»¹¹⁸. Даже марабуты Тиджания возглавили в 1827 г. восстание в Оране. Самые крупные восстания алжирцев в начале XIX в. возглавили представители тогда еще молодого и наиболее «радикального» братства Деркавия¹¹⁹.

Братства марабутов играли в этногенезе противоречивую, двойственную роль. С одной стороны, соперничество между ними расчленило страну. С другой стороны, в ходе восстаний и в пределах сфер влияния данных братств арабы и берберы сближались, смешивались.

Двойственной была и роль турок.

Переселяя племена, расчленив их на ра'йя, махзен и т. д., разобщая страну на зоны, а махзен на обособленные друг от друга кайдаты, турки тем самым разрывали племенные связи, способствуя их вытеснению территориальной общностью. Экспроприруя земли племен, углубляя дифференциацию между народной массой и верхами, турки способствовали росту числа обезземеленных арендаторов.

¹¹¹ Sh a w, I, стр. 63. Автор, посетивший Алжир спустя полвека после овладения и разорения турками Тлемсена, считает, что город сохранился лишь на одну шестую часть.

¹¹² Там же; De Grammont, стр. 43—44.

¹¹³ Cp. Sh a w, I, стр. 112, 127; De Grammont, стр. 132, 159, 187—189, 310—313, 363—365, 383.

¹¹⁴ R. A., № 52, стр. 291 и сл., № 57, стр. 187 и сл., № 59, стр. 341.

¹¹⁵ См. De Grammont, стр. 413.

¹¹⁶ Цит. по De Constant, Les congrégations religieuses chez les Arabes..., Paris, 1887, стр. 36.

¹¹⁷ Там же, стр. 39.

¹¹⁸ Цит. по H. Duveyrier, La confrérie musulmane du sidi Mohamed ben'Ali es-Senousi, Roma, 1918, стр. 10; см. также Depont et Coppolani, Les confréries religieuses musulmanes..., Alger, 1897, стр. 505.

¹¹⁹ De Grammont, стр. 364—365. Слово «деркави» стало синонимом слова мятежник (D a u m a s, Moeurs et coutumes de l'Algérie, Paris, 1853, стр. 215).

В известной степени это относится и к непокоренным турками горные районы, населенным кабилами. Термином «кабила» (арабск. «племя») горожане часто называли все племена, противопоставляя их городу с его устройством¹²⁰. Особенно это название утвердилось за берберами и в результате, надо полагать, устойчивого племенного демократического строя их замкнутых, обособленных общин. Оттесненные в горы, кабила обрели здесь безопасность и независимость, развили террасовое земледелие, садоводство, ремесла, а также отходничество, в том числе для найма в солдаты (зуавы). Сюда через соседние города проник и за тысячелетия упрочился ислам, лишь поверхностно, однако, затронув местные обычаи. Кабила ревниво оберегали традиционное, хотя уже по существу и выходящее за пределы общины, равенство: общинное землевладение при наследственном землепользовании; решение дел миром (джема'а); соблюдение древних обычаев (урф) под угрозой: «кто изменит эти законы, будет проклят...»¹²¹; запрет строить дома, более высокие, чем у всех общинников и т. п. Огражденные от проникновения бедуинов, кабила не избегали смещений с арабами. Среди кабилы во время войн, неурожаев, разбойничьих набегов янычар находили убежище отдельные роды и одиночки из разных берберских и арабских племен. Особенно это относится к кабилам, жившим в соседстве долин. Известны случаи образования в племенах кабилы родов из пришлых марабутов.

Расслоению кабилы способствовала блокада турками их горных селений. Некоторые кабила владели мельницами, значительными денежными капиталами, садами, усадьбами в нескольких селениях одновременно большими запасами продовольствия¹²². Другие нищали; кабийская беднота арендовала исполу землю соседей в долинах, часто через посредство родственников, на правах субарендаторов, снабжаемых семенами и инвентарем.

Изолировав центральные города от внутренних областей, турки стремились стимулировать развитие ремесел в отдаленных районах. В горах на базе местного сырья, а отчасти и привозных руд, развились металлургия и выделка деревянных изделий, изготовление патронов, ружей, сабел (Большая Кабилия). Племена специализировались в разных отраслях: некоторые селения становились к XIX в., по преувеличенному определению одного очевидца, «индустриальными центрами»¹²³. Однако рынок этих центров ремесла был ограничен контролем турок над важнейшими коммуникациями. Поэтому задерживалось обособление ремесла от земледелия, превращение ремесленных селений в феодальные города.

Турки разоряли города как культурные центры страны, но строительство дворцов и вилл для турецкой верхушки, а также части местных горожан, разбогатевших на торговле и корсарстве, привлекало отходников — арабов и берберов.

Турецкие захватчики стремились ограничить роль арабского языка. Однако турецкий гнет, усилив контакт племен, поднявшихся против турок, сделал орудием их борьбы арабский язык¹²⁴.

Карта размещения племен Алжира к XIX в. поражает преобладанием арабских родовых имен, вопреки сравнительной малочисленности арабов, сюда внедрившихся. С карты исчезли имена ботр, беранес, зената, сенджда и почти все названия составлявших их племен. В Оранском бейлике, где некогда господствовало племя маграва, это имя числилось на небольшой территории побережья, населенной ча-

¹²⁰ Ас—Сеги р, стр. 49—50, 54 и др., в пер. стр. 115, 120.

¹²¹ См. текст и перевод в R. A., № 37—38, стр. 285 и др.; см. также E. Carrey, *Récits de Kabylie*, Paris, 1858, стр. 162—163.

¹²² См. R. A., 1865, стр. 282—283, 287, 291.

¹²³ Carrey, стр. 169, а также и 133 и сл., 170 и сл.; *Exploration*, IV, стр. 223—235—536.

¹²⁴ У Шоу в XVIII в. сложилось впечатление, что, кроме кабилы, все алжирцы говорят на арабском языке (т. I, стр. 372—373).

стью ра'йя и частью сибā. Вместе с другими небольшими владениями племен берберской генеалогии (банū зеру'аль, банū рāшид и др.) они оказались в окружении племен с генеалогией бедуинов зогбитов подразделения банū мāлик¹²⁵.

Взаимодействие соседних племен арабской и берберской генеалогии настолько сблизило их, что среди магрāва числились роды, сохранившие еще память о происхождении из арабского племени собейх, а среди зогбитов банū мūsā — магрāва. Арабское родовое имя 'акерма встречалось отдельно и в составе других племен в семи разных кандатах¹²⁶. Об этом же процессе свидетельствует состояние племени, сохранившего старое берберское имя матмāта (восточная часть Уансериса). С одной стороны, оно включало арабские элементы, с другой стороны, некоторые роды, возводившие свое происхождение к матмāта, входили в соседнее племя йндель¹²⁷. Даже от племен банū бадйн, процветавших при зйāнидах, осталась лишь часть туджйнитов, хашим, занявшая обширную территорию у Ма'аскары, да отколовшаяся от хашима часть рода банū тйгрйн у южного склона Уансериса и род банū рāшид — у северного¹²⁸. Из генеонимики берберских племен почти совсем исчезли берберские приставки «айт», «ида», вытесненные соответствующими арабскими «банū», «влād» (сыны, дети).

Если в Телле генеонимика еще сохраняла память о берберских племенах, то на юге, занятом бедуинами в XI в., к XIX в. она почти полностью была вытеснена. При этом и генеонимика бедуинов претерпела изменения, свидетельствовавшие о глубоких сдвигах в составе их племен. На карте совсем не встречались имена хилāль, 'асбедж, рйāх, зогба, но имена зогбитских родов превалировали на юге еще больше, чем на севере. Проникнув в район Тлемсена в качестве опоры зйāнидов с XI в., зогбиты укрепились здесь, поглотили других бедуинов и берберов земель, ставших их 'иктā¹²⁹. Некоторые из них (банū 'амер) объединились даже против турок с испанцами Орана, продолжая и после падения зйāнидов поглощать другие племена. Зогбиты распространились в Оранский и соседний к востоку Титерийский бейлики. В Константиновском бейлике почти все племена считали себя арабскими, хотя другие видели в них частью потомков упомянутых кетāма¹³⁰ или хаввāра (союзы характа и немемша), а фактически это были смешавшиеся арабо-берберские племена.

Часть племен, в процессе дробления и смешения, осложненном установлением феодального господства турок, превратилась в безымянных дуар, змала, абид, борджи. Некоторые из них, особенно абиды (барщинники-арендаторы), формировались из семей различного происхождения, поселенных на экспроприированных беями землях племен¹³¹. Карта Телля, а особенно окрестностей резиденций турок, пестрит такими «именами».

¹²⁵ С запада на восток: бū камель, муджāхер, 'акерма, мехаль, флйта, собейх и др. (Rin n, Le royaume d'Alger sous le dernier dey en 1830, с приложением карты; R. A., 1897; Shaw, стр. 69 и сл.; Ибн Халдūн, I, стр. 63, 195, II, стр. 142; в пер. т. I, стр. 101, т. II, стр. 3, т. III, стр. 390).

¹²⁶ M. Outrey, Dictionnaire de toutes les localités de l'Algérie, Alger, 1860; см. также карту Ринна и Шоу, стр. 96.

¹²⁷ Берберский диалект исследовал у них R. Basset (Étude sur la Zenata . . ., Paris, 1895, стр. 121). Судя по местоположению и составу родов ('акерма, са'алеба и др.), их можно считать за зогбитское племя джēндель (ср. карты Ринна и Шоу и ибн Халдūн, I, стр. 56—57, в пер. стр. 92—93), смешавшееся с берберами.

¹²⁸ Ср. ибн Халдūн, II, стр. 227 и сл.; в пер. т. IV, стр. 7.

¹²⁹ См. ибн Халдūн, I, стр. 55—56, 62—65, в пер. стр. 90—91, 100—105 и карту Ринна; надо отметить особо банū 'амер (ра'йя) и хумайян (ра'йя и сибā).

¹³⁰ De Slape, прим. к т. IV перевода ибн-Халдūна, стр. 497—498.

¹³¹ R. A., 1863, стр. 294.

Еще в большей мере смешение племен обнаруживает генеони́ми́к марабу́тских племен. В XIX в. насчитывалось около ста племен, называвшихся именами марабутов (с предпосланными обычно арабскими словами «влад сайид...» — дети сейида...). Часть их сформировалась из одиночек, семей, родов, нашедших убежище у почитаемой могилы марабута, под покровительством потомков его или шейха-последователя. При неуспехе они поглощались другими племенами, а при удаче — сами подчиняли соседние племена или роды¹³². Роль этих племен в этногенезе показывает марабу́тский союз Вла́д сайид шейх, на юге Орана. Привилегии марабутов их верхушка обосновывала шерифским происхождением. К середине XIX в. союз включал семнадцать племен различного происхождения. Часть их управлялась совершенно самостоятельно, но все приносили дары (зй́ара — посещения завй́и), обязательно прибегали к посредничеству марабутов в спорах с турками, в охране своих караванов (‘анайя). В этом смысле все они были подчиненными, назывались хеддам (слуги)¹³³. Тенденция к локализации племен отразилась в объединении племен вокруг одноименных с ними оазисов, городов, завй́и. Отделившиеся части одного племени именовались соответственно и местоположению, иногда без упоминания родового имени. Так, части племени хашим были известны под именами шерага, эгрис, ахль вади Хамам и др.¹³⁴.

Таким образом, не только в городах, но и в племенах старые связи были вытеснены новыми. Не стало берберских или арабских племен, они смешались воедино. Но этот процесс не проник еще глубоко в роды: некоторые из них, целиком или отдельные семьи их, сохраняли еще арабское или берберское самосознание. Большинство племен, благодаря распространению арабского языка, стремлению верхушки к присвоению шерифской родословной, преобладающему арабскому происхождению правившей знати (джу́йдов или марабутов), принимало родовое имя последней как имя племени.

В высокогорных районах и в глубине Сахары берберы к XIX в. сохранили свои языки¹³⁵. Их языки должны были усвоить и иммигранты, влиявшие в эти племена. Но и в эти цитадели берберской культуры проникал разговорный арабский язык, в дополнение к ритуальному, письменному и частично судебному и торговому¹³⁶. С XVIII в. арабы и кабилы Константи́нского бейлика входили в общее братство (Рахмания). На нижних склонах гор часть кабиллов даже считала себя арабами¹³⁷. О сближении их культуры с арабской свидетельствует эпос берберов, повествующий о героике племени хилáль; нет в то же время преданий, песен о борьбе берберов против арабов¹³⁸. Все же при наличии тенден-

¹³² Так, например, происходившее из магрáва племя бану́ Халима стало называться так по имени поселившегося у них марабута, а к XIX в. арабский язык уже вытеснял у них берберский (R. Basset, *Mélanges*... стр. 112 и сл., и *Étude sur la Zenata*, стр. 17). Насколько к XIX в. формирование подобных смешанных племен было распространено в Алжире, свидетельствует различное трактование термина «кв́тна» (гетна): палатка марабута, шейха (с медным украшением сверху); селение, стан марабу́тского племени; «палатки выходцев из разных племен, сгруппировавшихся вокруг марабута» (цит. по Berbrugger, ч. II, прим. стр. 19).

¹³³ Daumas, *Moeurs et coutumes*..., Paris, 1853, стр. 219, 319—325, и Deron et Corrolani, стр. 146 и сл.

¹³⁴ Шерага — местное фонетическое изменение от арабского шарк (восток), последние два имени образованы от названий речных долин (см. Shaw, I, стр. 678, и R. A., № 228, стр. 9).

¹³⁵ В Кабилии — звава, в Аўра́се — шавй́я, в Уансерисе и западнее — зенáта в Сахаре — тарй́ (R. Basset, *Mélanges*..., стр. 33; Daumas, стр. 153).

¹³⁶ На языке звава даже числительные первого десятка были арабскими (цит. De Slane, стр. 508). Торговым центрам их присваивались арабские имена (Сук аль-‘арба’а у племени бану́ ратен); см. Carrey, стр. 22, 53, а также Daumas, стр. 25.

¹³⁷ Exploration..., IV, стр. 120; R. A., No. 41, стр. 330—331; Carteaux et Cornoy, *L'Algérie traditionnelle*, I, Alger, 1884, стр. 148.

¹³⁸ R. Basset, *Mélanges*..., стр. 35, 53.

ции обособления кабиллов, при оседлости их и компактности здесь могла сформироваться особая бербероязычная народность.

Объединение Алжира объективно назрело. Основной преградой на пути его осуществления было турецкое иго, политика разобщения районов, стравливания и расчленения племен. Назревшая необходимость объединения выразилась в необычайном подъеме борьбы алжирцев против турецкого гнета, не прекращавшейся в течение первых десятилетий XIX в. и охватившей всю Кабилию, Константинополь и Оранский бейлики. Именно в этой борьбе зародилось мощное движение, возглавленное Абд аль-Гадероми, ставшее важной ступенью на пути национального развития Северной Африки.
